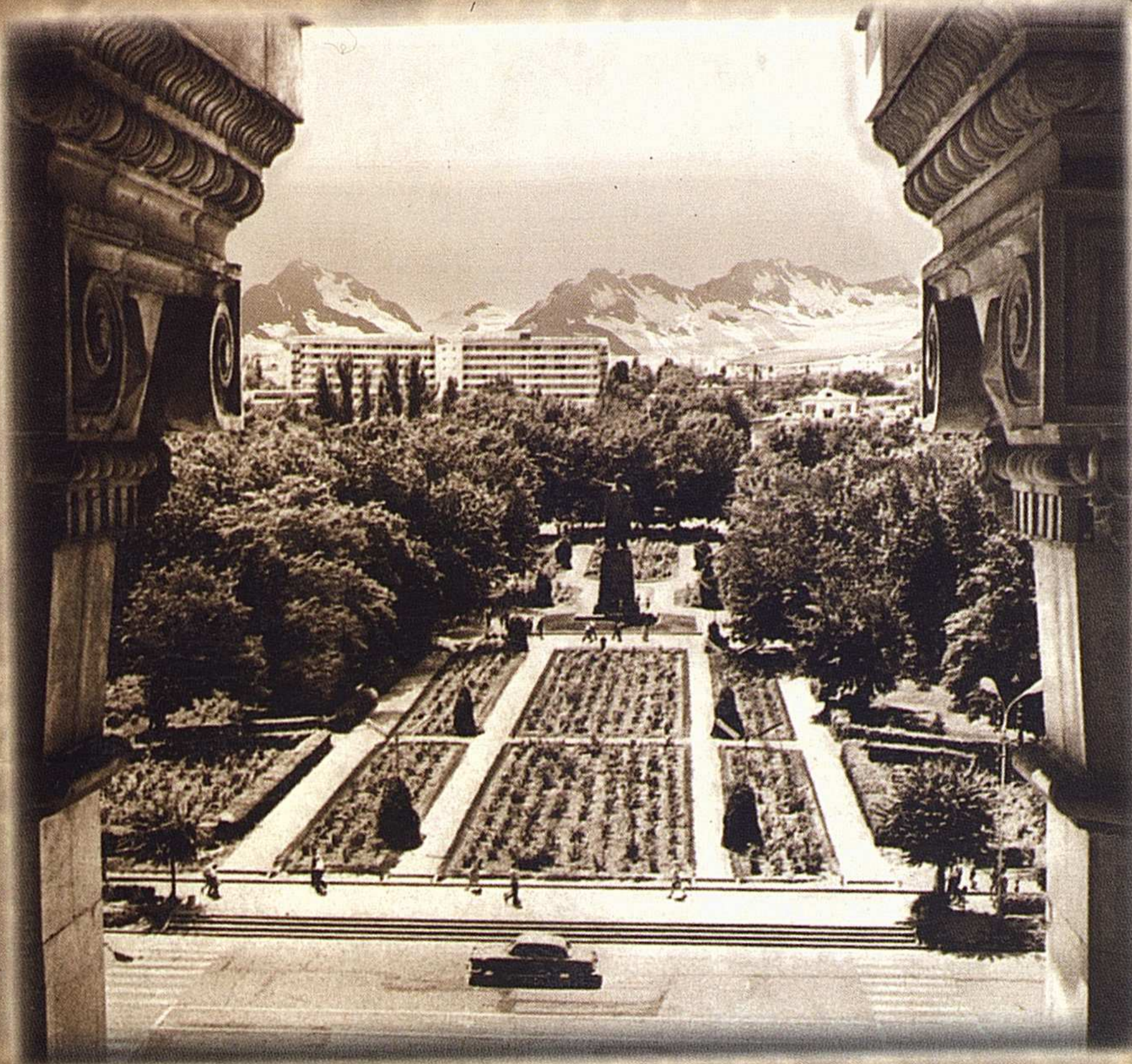

Л 2009
16989к

Исаак ГРИНБЕРГ

Евреи

в Алма-Ате

Краткий исторический очерк

А 2009/16989к

Исаак ГРИНБЕРГ

Евреи

В Алма-Ате

Краткий исторический очерк

Издание осуществлено
при спонсорской поддержке

**The American Jewish Joint Distribution Committee,
Inc. ("Джойнт")**

и

Dutch JEWISH HUMANITARIAN FUND

Алматы
2005

94 (574-25) (=411.16)✓

ББК 63.3 (5Каз)

Г85

Г85 **Гринберг И.Э.**
Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк.
– Алматы. Типография «Искандер». 2005. – 378 с.

ISBN 9965-9706-5-3

В основу книги легли малоизвестные архивные и другие документы и материалы. Работа охватывает период с 80-х годов XIX века до последних десятилетий XX века.

Освещаются некоторые аспекты развития Алма-Аты, крупнейшего города многонационального Казахстана.

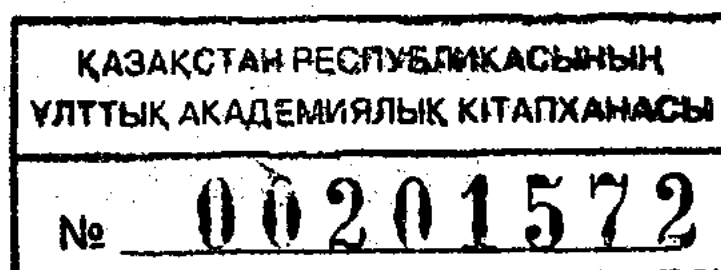
Приводятся биографии евреев – деятелей науки, культуры, образования, народного хозяйства, которые много лет трудились на благо бывшей столицы Казахстана и всей республики.

ББК 63.3 (5Каз)

Редактор – М.П. Гринберг.

Фото на обложке: на 1-й стр. – вид на Центральную площадь из Дома Правительства. 70-е гг.; на последней стр. – дорога в урочище Медео.

Г 0503020905
00(05)-05

© Гринберг И.Э., 2005.

ISBN 9965-9706-5-3

ОТ АВТОРА

Эта книга – первая попытка воссоздать картину жизни евреев на далекой окраине огромной страны в течение примерно столетия, начиная с 80-х годов XIX века, воскресить эпизоды прошлого и, конечно же, отдать дань памяти людям, которые трудились на благо общества и делали свое дело, не жалея сил и здоровья. Одновременно хотелось бы рассказать о малоизвестных фактах из прошлого нашего удивительного города, история которого, если не считать нескольких популярных изданий советского времени, до сих пор не написана.

Главное в книге – люди. Однако я по мере сил стремился к тому, чтобы она не превратилась в некий справочник о вкладе евреев в экономику, науку, образование и т.д. Замысел был иной: рассказать о людских судьбах, дать портреты людей на фоне эпохи и постоянно меняющейся Алма-Аты. Возможно, кое-кто из них выглядит несколько идеализированно. Это и понятно: время стирает подробности, оставляя в памяти главное.

Реконструкция прошлого оказалась делом непростым. Порой невозможно было отыскать элементарные сведения о людях, совсем еще недавно занимавших достаточно видное положение. Воспользоваться помощью родственников и коллег было трудно из-за того, что многие обосновались за рубежом. Что же касается тех, кто работал на невысоких должностях, добывал свой хлеб насущный физическим трудом, то о них архивные документы попросту отсутствуют. Поэтому в книге возник некий перекос в сторону ученых, различных специалистов, руководителей и т.д.

Биографические сведения почерпнуты главным образом из ведомственных архивов, материалы общего

характера – из архивов государственных. Перечислю основные архивные учреждения, оказавшие содействие в наших поисках: Центральный государственный архив Республики Казахстан, Архив Президента Республики Казахстан, Центральный государственный архив г. Алматы, Архив Департамента КНБ по г. Алматы, Архив Национальной академии наук Республики Казахстан (быв. АН КазССР), а также архивы вузов и организаций, таких, как: Казахский национальный университет (быв. КазГУ), Алма-Атинский государственный университет им. Абая (быв. Казахский педагогический институт им. Абая), Казахский национальный медицинский университет (быв. Алма-Атинский государственный медицинский институт) и др. Сотрудникам этих архивов, проявившим исключительно доброжелательное отношение к нашим разысканиям, я искренне благодарен.

После некоторых размышлений я решил не перегружать книгу ссылками на архивные документы, откуда брались биографические данные. Сделано это исключительно для того, чтобы облегчить чтение: обилие ссылок затрудняет его, а кроме того, неоправданно увеличивает объем книги.

В процессе работы с документами и в беседах с нашими современниками вырисовывалась картина, масштабы которой невозможно было представить пять лет тому назад, когда начинался сбор материалов для этого издания.

К сожалению, не все из задуманного удалось осуществить. Так, совершенно не освещена религиозная жизнь евреев Алма-Аты в советское время, хотя она не прекращалась никогда, даже в периоды усиления борьбы государства с религией. О том, что почти не сохранилось сведений о людях рабочих профессий, говорилось выше. Как это ни печально, но почти то же самое можно сказать и о таких довольно распространенных среди евреев

профессиях, как школьные учителя, фармацевты, врачи, работавшие в поликлиниках и больницах. Сплошным «белым пятном» осталась история людей, высланных в Алма-Ату на рубеже двадцатых-тридцатых годов в административном порядке.

В заключение хочу выразить глубокую признательность тем, кто активно помогал в подготовке и выпуске книги.

Прежде всего это президент Ассоциации еврейских национальных организаций Республики Казахстан А.И. Барон. Без его содействия книга несомненно увидела бы свет. Исключительно велик вклад Т.В. Жилкиной, историка-архивиста. Она не только отдала много времени выявлению архивных материалов, но и взяла на себя часть различной технической работы.

Много труда в редактирование будущей книги вложила М.П. Гринберг. Ее профессиональную работу при подготовке рукописи к печати трудно переоценить.

Неоценимую помощь оказали алматинцы, нынешние и бывшие, делившиеся воспоминаниями, документами, фотографиями, советами. Таких людей было очень много, некоторых хочется отметить особо. Это Е.Л. Виленский, Г.В. Воротынцева, А.Я. Гинзбург, Ц.Б. Гойхштейн, М.Г. Дахшлейгер, Л.Ф. Енисеева (Варшавская), А.С. Зулкашева, Я. Зильберберг (Израиль), Р.М. Каныбаева, Е.Б. Карякина, Г. Кельс (Израиль), Э. Либин (Израиль), Н.М. Мансурова, В.А. Медведева, Ф.С. Перлов, И.И. Попов, М.В. Смоляр, А.А. Ховин, И.А. Чернис, Г.Л. Челохсаева.

Автор надеется, что предлагаемая тема и первый опыт ее освещения будут интересны читателю.

И. Гринберг.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҚАЗАҚСТАН ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

От истоков
до Великой Отечественной...

I

Семиречье – часть нынешней Алма-Атинской области Казахстана – много лет оставалось одним из наиболее далеких и глухих уголков Российской империи, находившимся в стороне от оживленных торговых путей, промышленных центров и густонаселенных районов. В довершение ко всему Семиреченская область не была связана с другими районами железнодорожным сообщением.

Центр области город Верный был основан в 1854 году как одно из русских военных укреплений, опоясывавших гигантскую территорию от реки Урал на западе до китайской границы на юго-востоке Казахстана. Вначале Верный именовался «укрепление Верное» и только в 1867 г. он становится городом, центром одноименного уезда и Семиреченской области, подчинявшейся Туркестанскому генерал-губернаторству.

Первыми жителями нового поселения стали казаки из разных округов Сибири, основавшие рядом с укреплением Большую и Малую алма-атинские станицы. В 1856 г. здесь начали селиться ремесленники и торговцы – татары, уйгуры и дунгане, основавшие так называемую Татарскую слободку, затем приехали сибирские крестьяне – 79 семей. Обе станицы и слободка стали ядром будущего города. В конце пятидесятых годов XIX века здесь насчитывалось около 5 тыс. жителей.

Лет через десять после основания военное значение нового поселения, замышлявшегося в качестве форпоста в борьбе с многолетним противником России Кокандским ханством, стало падать. Верный оказался в глубоком тылу русских войск, продолжавших завоевание Средней Азии. В 1864 г. они завладели Чимкентом, в 1865 г. пал Ташкент, затем наступил черед Закаспийской области (нынешний Туркменистан). Все это, однако, не умаляло значение Верного как центра богатой и весьма перспективной области. В 1859 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала корреспонденцию из Верного, содержащую восторженную характеристику далекого края:

«Наше укрепление растет не по дням, а по часам. И как ему не процветать в стране, благоприятствуемой всеми дарами природы и так долго ждавшей водворения цивилизации? Давно ли здесь была пустыня, в которой с самого сотворения мира не бывало оседлости, только лишь посещалась одним кочевниками, а теперь здесь город, в котором более пяти тысяч жителей! Поверьте, что не пройдет десяти лет, как наше Верное превратится в обширный город, которому будут завидовать не только сибирские, но и русские города».¹

Действительно, Верный быстро разрастался: в 1871 г. здесь жило около 13 тыс. человек различных национальностей. Автор опубликованных в научном «Военном сборнике» (1872 г.) «Очерков Семиреченского края» Л. Костенко, характеризуя город в подробном, насыщенном множеством статистических данных социально-экономическом обзоре, говоря о населении, не смог удержаться от эмоционального восклицания: «Каких только народностей и племен вы не встретите на его улицах!» Далее автор перечисляет «коренных поселенцев» – русских, казахов, украинцев, представителей народов Поволжья – и продолжает:

«Кроме того, Верный населяют татары, живущие в отдельной слободе; сарты – пришельцы из других городов Туркестанского округа (Аулие-Ата, Чимкент, Ташкент), из кокандских и кашгарских владений; киргизы, принимающие полуоседлый быт; калмыки, пришедшие из Кульджи после китайского погрома в 1864 г.; они, большею частью приняли христианство. В Верном употребляются, преимущественно как чернорабочая сила, китайцы, приходящие сюда из Небесной Империи по торговым делам. Наконец, евреи тоже живут торговлею».*

¹Сартами тогда именовались узбеки, киргизами – казахи. Нынешние киргизы в XIX в. именовались кара-киргизами.

Здесь скорее всего имеются в виду приезжие торговцы. Евреи, ставшие постоянными жителями Семиреченской области, занимались почти исключительно ремеслами – это подтверждается официальными документами, о чем речь пойдет ниже.

Как и откуда появилось еврейское население нового города на окраине империи, за тысячи верст от традиционных мест его расселения? Ведь законодательство о евреях жестко ограничивало их права на проживание вне печально известной «черты оседлости», куда входили 15 губерний западной части страны. Существовали, однако, и исключения.

В 1865-1967 гг. право повсеместного проживания получили еврей-ремесленники, а также нижние чины, отбывшие службу в армии. Через несколько лет это право распространилось на евреев с высшим образованием и, говоря современным языком, медицинских работников конкретных специальностей – фармацевтов, дантистов и акушеров. Первыми жителями Верного из числа евреев стали бывшие солдаты, переселившиеся из Сибири.

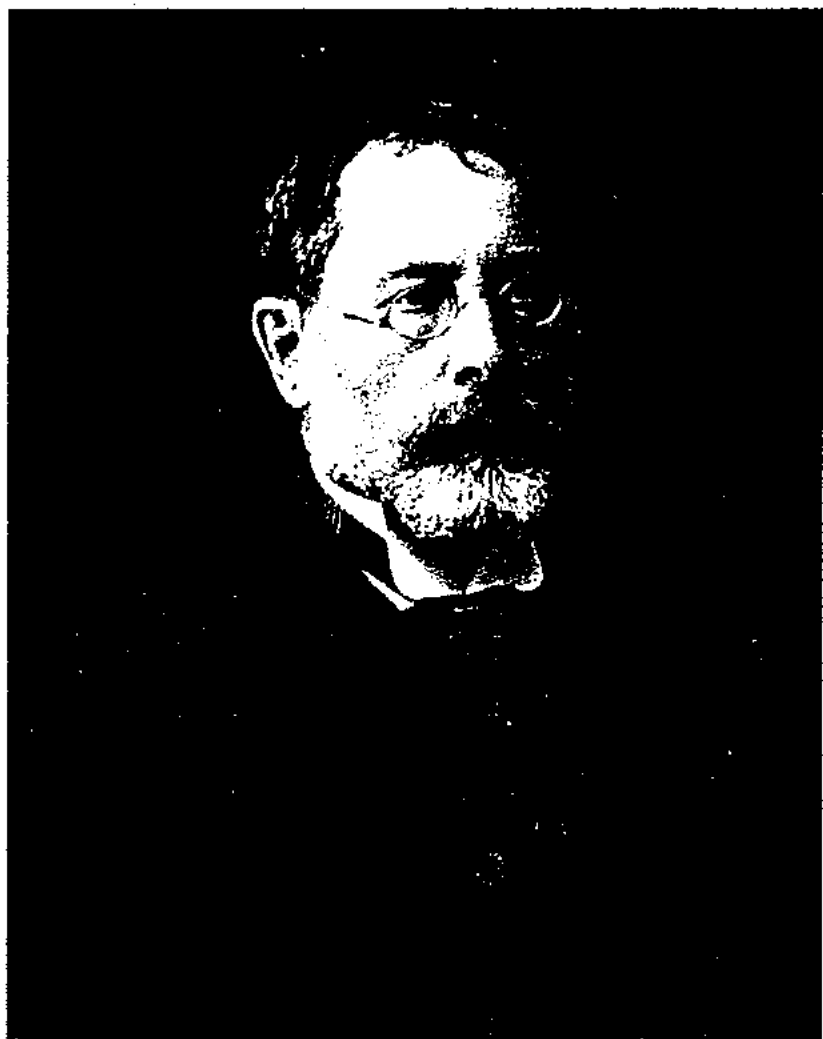
По данным учета населения Верного и Верненского уезда в соответствии с вероисповеданием, в 1879 г. еврейское население города составляли 81 чел. В уезде жили 36 человек².

Основным занятием этих людей были всевозможные ремесла: сапожное, стекольное, портновское, часовое (в городе жили три еврея-часовщика) и др. Полицейский отчет содержит сведения и о некоей вдове с дочерью, промышлявшей «чулочным мастерством», «разносчике булок и колбас», торговце старьем. В этой компании совершенным чужаком представляется нотариус Д. Я. Триерс, которого с мастеровым и мелким торговым людом объединяла разве что национальная принадлежность.

Впрочем, не он, а совсем другой человек оставил о себе память, дошедшую до нашего времени. Им был первый верненский фотограф Абрам Соломонович Лейбин, двадцати трех лет от роду приехавший, как он утверждал, по вызову генерал-губернатора Г.А. Колпаковского из Томска в 1873 г. По некоторым данным, Лейбин пошел по стопам отца, открывшего свое дело в Семипалатинске еще в 1865 г.

Фотографическое заведение Лейбина в Верном благодаря исключительно высокому качеству работ быстро завоевало популярность, надолго пережившую основателя. Кроме портретов и семейных фото ателье выпустило множество открыток, запечатлевших город конца XIX – начала XX вв. Деятельность А. С. Лейбина высоко оценили власти: в 1896 и 1903 гг. он был «пожалован государем-императором» серебряной и золотой медалями. По стопам отца пошел и старший сын Павел (Файвиш), впервые уже в советское время снявший город с высоты птичьего полета.

Несмотря на благожелательное отношение губернатора Колпаковского и его преемников, известность и достаток, Абрам Соломонович на склоне лет чувствовал себя глубоко несчастным человеком и даже решил уехать из Верного. Причиной тому были катастрофические землетрясения 1887 и 1910 гг. Особенно пострадала от них жена Лейбина, оставшаяся после первого со сломанной ногой. Немудрено, что после следующего землетрясения она заболела и впала в депрессию. Заболела и жена сына Павла, врачи порекомендовали ей срочно покинуть гиблое место.

А.С.Лейбин.

Решение оставить Верный далось Лейбину нелегко. «Семиречье – вторая моя родина, с этим городом соединены все мои успехи в жизни, мои лучшие воспоминания, мои лучшие связи с людьми. Мне больно разрывать с Семиречьем, но и мучительно здесь оставаться», – писал старый фотограф военному губернатору Семиреченской области. Обращение к главе местной администрации содержало лишь одну просьбу: ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о предоставлении

семье Лейбиных права повсеместного проживания вне черты оседлости. Нежелание переезжать туда фотограф мотивировал отсутствием связи с еврейской общиной западных районов. «Вся моя жизнь по своему укладу русская, переселиться в чуждую мне жизнь еврейской черты оседлости – это значит сделаться изгнанником». Губернатор внял просьбе, его резолюция на прошении гласила: «Согласен ходатайствовать. Надо отметить, что Лейбин заслуживает более других внимания к себе». Однако МВД признало ходатайство «не подлежащим удовлетворению за отсутствием к тому законных оснований...»³

Судьба одного из первых и не совсем обычного еврейского семейства прослеживается на протяжении почти 130 лет. Она вполне могла бы лечь в основу увлекательного произведения. Внучка Абрама Соломоновича О.Л. Лейбина-Федорова дожила в Алма-Ате до наших дней.

Еврейское население Верного постепенно, хотя и ненамного, увеличивалось, и на исходе 1902 года оно составляло 110 человек, из них 88 – в составе семей ремесленников. Больше стало торговцев.

Религиозные традиции соблюдались неукоснительно. Синагога здесь официально существовала с 1884 года. Она являлась центром не только религиозной, но и общественной жизни. Размещалась синагога почти на окраине тогдашней городской застройки, на пересечении улиц Пишпекской и Кульджинской (ныне улицы Байсеитовой и Макатаева). По случайному стечению обстоятельств сегодня здесь размещается еврейская республиканская организация – Ассоциация «Мицва».

В октябре 1906 года «общее собрание евреев города Верного» постановило выработать проект инструкции о деятельности и обязанностях правления синагоги и направить этот документ на утверждение властям Семиреченской области. В соответствующем прошении на имя «его Высокоблагородия Господина полицмейстера г. Верного от евреев, живущих в г. Верном», подписанном двадцатью двумя наиболее уважаемыми членами общины, говорилось:

*«С разрешения начальства в городе Верном существует около 25 лет Синагога, управляемая лицами, избранными из нашей среды на неопределенное время без всяких прав и полномочий, действуя лишь по собственному усмотрению во всех делах синагоги; такой образ правления не всегда благоприятно отзывался на делах синагоги».*⁵

Далее сообщалось о выработке проекта соответствующей инструкции и еще нескольких положений, регулирующих деятельность общины. Подписавшиеся просили направить эти проекты на утверждение «куда следует». Первым подписал А.С. Лейбин.

Проделав путь по инстанциям бюрократического лабиринта, прошение неожиданно возвратилось обратно. Реакция вице-губернатора Семиреченской области оказалась неожиданной: его заинтересовало, все ли подписавшиеся имеют право на жительство в городе Верном.

Переписка пошла по второму кругу и завершилась только в начале 1908 года. Областное управление нашло, что «представленная Верненскими евреями инструкция по управлению делами существующего в Верном еврейского молитвенного дома не подлежит утверждению, и надобности в этой инструкции не имеется». Власти больше интересовались финансовой деятельностью общины, персональным составом «должностных лиц молитвенного дома», как в официальной переписке именовались староста, казначей и «ученый, для объяснения сомнений к богослужению или обрядам веры относящийся», — последняя должность предусматривалась действующим российским законодательством. Таковым «ученым» был Ш. Рейтборт.

Шломо, или как его часто именовали многие на русский манер, Соломон Израилевич Рейтборт много лет стоял во главе религиозной жизни местных евреев. По свидетельству современника, он был не только раввином, но в одном лице исполнял обязанности учителя в хедере и резника. Кроме того, Рейтборт выполнял обряд обрезания. Раввин пользовался глубоким

уважением верующих, чему в немалой степени способствовали его благородная внешность и очень красивый голос. Свои обязанности он исполнял и после революции, вплоть до кончины в первой половине тридцатых годов.⁶

Решение общины направить на утверждение начальства инструкцию, о которой шла речь выше, достаточно красноречиво свидетельствует о законопослушности верненских евреев. Ни разу никто из них не обвинялся в каких-либо предосудительных действиях, что подтверждается свидетельствами полиции. И тем не менее они постоянно находились под пристальным вниманием власти, более всего опасавшейся нарушить закон, положение или инструкцию о проживании евреев вне черты оседлости. Таких актов насчитывалось великое множество, нередко они допускали различное толкование, а то и противоречили друг другу.

Настороженное, если не сказать больше, отношение властей к еврейскому населению Семиречья, несмотря на его крайнюю малочисленность, наглядно иллюстрирует запрос Туркестанского генерал-губернатора, направленный 8 августа 1910 года военному губернатору Семиреченской области, входившей в состав упомянутого генерал-губернаторства. Документ настолько характерен, что его стоит привести полностью, без изъятий.

«Прошу Ваше превосходительство к 1 сентября сего года предоставить ко мне список проживающих во вверенной Вам области евреев с обозначением имени, отчества каждого, возраста, состава их семьи и рода занятий, с размещением их в списке по следующим категориям:

- 1. Местные евреи, время и место признания каждого из них в правах.*
- 2. Бухарские евреи, принявшие русское подданство: когда и где приняли подданство и где проживают.*
- 3. Пришлые евреи из разных местностей Империи и поселившиеся в Туркестанском крае: права их на жи-*

тельство, время прибытия в край, настоящее место жительства.

4. Евреи, живущие в Туркестанском крае в силу образовательного ценза.

5. Бухарские и вообще азиатских государств евреи, не принятые в русское подданство и не принадлежащие к числу имеющих права туземцев: основание для проживания и особенно род их занятий.

6. Сведения о делах, находящихся в производстве по признанию за просителями прав местных евреев.

7. Евреи, имеющие разрешение на временное пребывание в крае, кем разрешено пребывание и на какой срок.

*Подлинное за надлежащими подписями верно:
За делопроизводителя /подпись/.⁷*

Соответствующие указания вскоре были направлены и в станицы Верненского уезда. Несмотря на то, что в большинстве из станиц евреев не было вовсе и лишь в двух насчитывалось по одной еврейской семье, бюрократическая машина пришла в движение. Исполняющий обязанности станичного атамана ст. Надеждинской (ныне г. Иссык) Есютин представил «Список проживающему в ст. Надеждинской еврейскому семейству», в котором числился отставной солдат Зелик Симонов Будинский 45 лет, с женой 35 лет и четырьмя дочерьми. Далее указывалось, что проживает Будинский на правах сына николаевского солдата, уроженец Омска.

Однако этих данных уездному начальству показалось недостаточно. Список был возвращен с требованием немедленно дополнить его сведениями «когда прибыл на жительство Будинский, по какому документу проживает, представить копию этого документа». Переписка возобновилась...

Власти усердно следили не только за соблюдением правил проживания. Старательно пресекались любой намек на политическую деятельность и несанкционированное сверху проявление еврейской общественной жизни. Не на шутку встревожи-

ло охранные службы набравшее силу сионистское движение. Пример тому – любопытное указание, направленное под грифом «секретно» военным губернатором Семиреченской области полицмейстеру города Верный 28 мая 1903 года.

«В отношении от 30-го минувшего апреля за № 4090 Департамент Полиции уведомил, что, по полученным в МВД сведениям, последователи Сионизма (именно так, с большой буквы, — И.Г.) предполагают организовать в одном из городов Империи политический съезд с целью подготовки к предстоящему осенью всемирному конгрессу сионистов, и просит принять меры, чтобы этот замысел сионистов не получил осуществления.

*Об этом уведомляю Ваше Высокоблагородие для надлежащего исполнения по принятию в случае необходимости мер к предотвращению устройства съезда сионистов».*⁸

Цитируемый документ не столько своего рода образчик чиновничьей перестраховки, сколько впечатляющее свидетельство маниакальной подозрительности, как только дело касалось евреев. Лишь обладая весьма богатым, а скорее болезненным воображением, можно было заподозрить сионистов в совершенно абсурдном намерении – устроить съезд в небольшом, отрезанном от железных дорог городе на окраине империи, у китайской границы. Одно только появление здесь группы необычных приезжих мгновенно бросилось бы в глаза тем, кому следует... Но элементарная логика бессильна перед необъяснимыми подозрениями и пугалом сионизма.

С тех пор минуло столетие. Революции, войны и множество других тяжелых испытаний пережила страна. Одна за другой канули в лету две казавшиеся вечными гигантские державы. Уходили правители, менялись наводившие страх ведомства – Департамент полиции, ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ... Неизменным оставался лишь благополучно доживший до наших дней миф о зловещих кознях и тайных происках сионистов.

II

Революция и потрясения гражданской войны прошли в Семиречье относительно мягко. Советская власть была установлена здесь 3 марта 1918 г. С тех пор большевики безраздельно правили в городе и его окрестностях и, по счастливому стечению обстоятельств, Верный за годы междоусобной борьбы, разгоревшейся на просторах бывшей империи, ни разу не становился ареной военных действий. Возможно, именно это обстоятельство немало способствовало в дальнейшем мягкости и добросердечию местных обитателей...

Новый режим проявлял себя главным образом в издании бесчисленных приказов и постановлений. В мае 1918 г. вышли распоряжения о запрете на продажу спиртного и о борьбе против самосудов, принятии мер по уборке клевера, а в июне объявлялся народным достоянием весь сбор опия-сырца: производители обязаны были сдавать его государству по твердой цене. Опиный мак как лекарственное сырье в больших количествах выращивался в Иссык-Кульском уезде, входившем тогда в состав Семиреченской области.

С этим постановлением связан один курьезный и весьма характерный для того времени эпизод — нехватка денежных знаков в изолированном войной Семиречье. Положение обострилось настолько, что весной 1918 г. областной Совет принял довольно распространенное тогда решение о выпуске местных денег, прозванных в народе «верненскими рублями». В отличие от множества подобных эмиссий они стали единственными в своем роде благодаря обеспечению, не имевшему аналогов в мировой практике. На лицевой стороне купюр указывалось: «Кредитные билеты обеспечиваются опием, хранящимся в Государственном банке и всем достоянием области Семиречья». Впрочем, это не помогло — деньги у народа, особенно у приезжих торговцев, доверием не пользовались и спустя год были аннулированы.

Наиболее радикальным решением было принятое осенью 1918 г. постановление о прекращении частной торговли в

пределах Семиречья. Всем торговцам предписывалось сдавать товары в «Союз кооперативов». Вряд ли это решение соблюдалось слишком строго, как и последовавшее за ним постановление о введении твердых цен на хлеб, рис и пшено. Тем не менее занимавшиеся торговлей верненские евреи теперь были вынуждены проявлять крайнюю осторожность.

Список различных командно-административных мер, периодически принимавшихся Семиреченским облисполкомом, можно было бы продолжить, но и без этого ясно, что отныне вне контроля новой власти не оставался ни один гражданин «без различия пола и национальности с 18 до 55 лет», как гласило решение о привлечении обывателей к всеобщей трудовой повинности.

Гражданская война в Семиречье фактически закончилась осенью 1919 г. В истории Казахстана спустя год начался новый этап: 26 августа 1920 г. публикуется декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР об образовании Киргизской АССР* в составе Российской Федерации. А в марте 1921 г. Верный переименовали: ему дали казахское название Алматы (в переводе «Яблоноевое») по имени горного урочища, в районе которого было заложено укрепление Верное. Новое название вскоре на русском языке трансформировалось в более удобное для произношения «Алма-Ата»**.

Переименовали и область, центром которой остался бывший Верный. Семиречье стало называться тоже по-казахски — Джетысу (буквально — Семь рек), соответственное наименование получила область***.

Город не менялся вплоть до начала тридцатых годов. Вопреки захлестнувшей страну эпидемии переименований в Алма-Ате большинство улиц называлось по-старому, запечатлев военное прошлое российского форпоста: Артиллерийская, Казначейская, Лагерная, Кордонная, Штабная...

* С 1925 г. — Казахская АССР.

**Строго говоря, название это бессмысленное, ничего не означающее. Под стать ему и надуманный перевод: «Отец яблоку». Однако в произношении на русском языке оно удобнее, хотя бы потому, что склоняется.

*** В 1924-1928 гг. — Джетысуйская губерния.

Вот какой увидели тогдашнюю Алма-Ату писатели И. Ильф и Е. Петров, посетившие город во время строительства Турксиба:

«Алма-Ата еще сохранила свой старорежимный вид полковничьего городка. Вся она обставлена одноэтажными, одноквартирными домиками с деревянными ставнями наружу, резными карнизами и тенистыми помещичьими крылечками.

Все это воздвигнуто в чрезвычайно русском стиле, с пелушочками, гребешочками, пташечками и полотенчиками. Сразу видно, что люди ходили здесь в белых кителях, что в зелени скверов сверкали золотые эполеты, что трубили здесь медные оркестры и до самых снеговых вершин Заилийского Ала-Тау долетал вальс «На сопках Маньчжурии». Видно, что люди собирались здесь жить долго, уютно и спокойно».⁹

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Алма-Ате насчитывалось около 45 тысяч жителей. Еврейское население составляло примерно 230-240 человек.* По сравнению с дореволюционным временем оно практически не увеличилось, несмотря на то, что теперь для них никаких ограничений на выбор места жительства не существовало.

В благодатный край не стремились, как прежде, евреи из Сибири и других районов Казахстана (в целом еврейское население автономии составляло чуть больше 3500 человек.) Такое равнодушие кажется по меньшей мере странным.

Между тем объясняется это достаточно просто: Алма-Ата была бесперспективным захолустьем, особенно для евреев, большинство которых попало в категорию лиц «чуждого социального происхождения», куда входили торговцы, «лица без определенных занятий», ремесленники с подмастерьями и др. Эти люди именовались «лишенцами», поскольку они были ли-

*Официальные итоги переписи содержали данные о национальном составе городского и сельского населения губернии без выделения центра. Согласно этим данным, в четырех городах общая численность населения составляла 61,5 тыс. чел., из них русских – 30,1 тыс., казахов – 4,3 тыс., евреев – 249 чел., остальные – прочие национальности.

шены избирательных прав, не могли претендовать на получение жилья, более того, у некоторых в конце двадцатых годов конфисковали собственные дома, их детей не принимали в вузы, а порой исключали из школ. Процент лишенцев среди евреев был исключительно высок, а если добавить к этому бич нэпа — массовую безработицу, станет понятно: Алма-Ата представлялась городом, лишенным будущего. Молодежь и те, кто стремился во что бы то ни стало избавиться от клейма лишенца, уезжали в промышленные центры, чтобы начать там новую жизнь.

В описываемый период Алма-Ата стала одним из мест ссылки всевозможных нежелательных для власти людей, которых отправляли в отдаленные места из западных районов страны. Сегодня невозможно даже приблизительно определить, сколько таких людей оказалось здесь и сколько среди них было евреев. Едва ли не единственное свидетельство — воспоминания бывшего в течение нескольких месяцев 1938 г. заместителем наркома внутренних дел Казахстана М. П. Шрейдера «НКВД изнутри», где в частности говорится:

«Дело в том, что в 1926–1927 годах и в более позднее время в Алма-Ату высылали ученых, инженеров, врачей, агрономов и других специалистов, в прошлом судимых на небольшие сроки (3-5 лет) или сосланных на поселение».

Далее Шрейдер утверждал, что «огромные списки» этих людей составляли «целые тома». Но в далекий город высылали не только интеллигенцию. До последнего времени жили здесь потомки высланного в 1927 году из Баку Якова Кивовича Родбана и в 1932 году из Гомеля Арона Нахмановича Тылкина. На родине оба являлись людьми весьма состоятельными: Тылкин владел гостиницей и рестораном, Родбан был крупным коммерсантом. По утверждению внука, бакинский бизнесмен сумел даже приобрести земельный участок в Палестине, но в середине тридцатых годов соответствующие документы были преданы огню: в то время всеобщего страха люди избавлялись от любых свидетельств связи с какими бы то ни было зарубежными организациями. А Тылкин уже успел познакомиться с

«органами»: незадолго до высылки его пригласили в местное управление ОГПУ*, где предложили сдать на нужды индустриализации страны определенную сумму в царских золотых монетах. Здесь необходимо небольшое пояснение: в 1930–1932 годах кампания по насильственной конфискации золота, валюты и драгоценностей у бывших нэпманов, главным образом в западных районах Союза, носила массовый характер. Жертвами «золотухи», как окрестили в народе этот единственный в своем роде вид государственного рэкета, стали десятки тысяч людей. Угрозами, шантажом, невыносимыми условиями содержания (чаще всего в переполненных камерах, где можно было только стоять), их заставляли подписать соответствующее обязательство. После трехдневного пребывания в залитом водой подвале сдал требуемое и Тылкин.

Алма-Ата показалась ему избавлением, тихой пристанью. Вскоре Арон Тылкин устроился на работу в Главметаллосбыт, где пользовался уважением как хороший завхоз, выдал дочь замуж за сына Родбана. Жизнь потихоньку налаживалась...

Неожиданно судьба города коренным образом изменилась: в апреле 1927 года правительство РСФСР приняло решение перенести сюда столицу, находившуюся с 1925 года в Кызыл-Орде.

Решению предшествовала работа специальной комиссии, изучавшей перспективы Кызыл-Орды как столицы. Комиссия пришла к неутешительному выводу: «Строительство центра Казахстана в городе Кызыл-Орда встречает затруднения в местных экономических и естественных условиях». Почти одновременно было принято решение о строительстве железной дороги, связывающей Сибирь со Средней Азией и проходящей рядом с Алма-Атой, что являлось еще одним весомым аргументом в пользу перевода сюда столицы.

*ОГПУ – Объединенное Государственное Политическое Управление в 1923–1934 гг. общесоюзный орган госбезопасности. В 1934 г., преобразованное в Главное управление госбезопасности (ГУГБ), оно вошло в состав созданного тогда же НКВД СССР на правах важнейшего подразделения наркомата.

В мае 1929 года, немного опередив прибытие первого поезда, правительство и другие учреждения пересхали в Алма-Ату, о существовании которой за год до этого узнал, без преувеличения, весь мир: сюда был сослан Л. Д. Троцкий.

Знаменитый деятель революции и гражданской войны, «Красный Наполсон», как некогда именовала его западная печать, проделав долгий путь от Москвы до Фрунзе (Бишкек) по железной дороге, добирался оттуда до Алма-Аты на автомашине и лошадях. 27 января 1928 года он с семьей прибыл под конвоем сотрудников ОГПУ в столицу Казахстана.

После возвращения имени Троцкого из исторического небытия появилось множество различных публикаций о нем. По-своему интересно свидетельство дожившей до наших дней алмаатинки А. П. Рычковой о ее случайной встрече с бывшим председателем Реввоссовета Республики:

«Однажды зимой иду я как-то в школу, поднимаюсь по улице Пушкина и вдруг, как вкопанная, замерла. Почти прямо передо мной медленно движется по улице Гоголя, пересекает улицу Пушкина такой страшный, диковинный человек, какого я никогда не видела в нашем городе. Меховая пышная шапка коричневого цвета, золотое тонкое пенсне, острая черная борода... Идет незнакомец неторопливо, с достоинством, плотно припавшая снег диковинными в наших краях фасонистыми ботинками-крагами. Это вроде как полусапожки с множеством кнопочек на бортах. Черные краги, черная меховая шуба, очень дорогая, видимо, а в руке – черная трость с набалдашником. И вдобавок ко всему – большущая черная собака на поводке. Идет собака также неторопливо, важно сопровождая своего хозяина. Он был довольно крепко сложен, не старый еще, и трость ему требовалась больше для форса, конечно же, чем для опоры, он и ставил ее в снежный наст легко, словно поигрывая...»¹⁰

**Здание бывшей гостиницы «Джетысу».
Здесь в январе 1928 г. жил Л.Д.Троцкий.**

Годичное пребывание Троцкого в алмаатинской ссылке было насыщено множеством интересных эпизодов. Впрочем, строго говоря, к истории евреев в Алма-Ате эта тема отношения не имеет, являясь лишь одним из этапов бурной биографии низложенного вождя*.

Высылка в Алма-Ату Л.Д. Троцкого положила начало еще одной продолжавшейся около тридцати лет традиции: время от времени сюда отправляли из Москвы в чем-то неугодных властям людей, в том числе проштрафившихся деятелей высокого ранга, реже – крупных ученых. В отличие от безработного и поднадзорного Троцкого они получали достаточно высокие по местным масштабам должности, хотя так было не со всеми. Большинство этих людей не имеет прямого отношения к персонажам настоящего исследования, но без упоминания о них представление о своеобразии этого города будет неполным.

Среди тех, кто попал сюда не по своей воле, незаурядной личностью был академик Е.В. Тарле (1875-1955), один из

* В 1992 г. алма-атинское издательство «Жазушы» выпустило книгу Т. и С. Жалмагамбетовых «Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке. Документальная повесть. (По материалам архива КГБ)», содержащую множество неизвестных, иногда достаточно любопытных подробностей, например, о расходах и доходах высланной семьи.

наиболее видных и талантливых историков своего времени. Еврей по национальности, он еще до революции принял православие.

Профессор с 1913 года и действительный член Академии наук СССР с 1927 года, он, подобно другим крупным ученым, стал жертвой одной из многочисленных кампаний по искоренению очередных врагов. Его арестовали в самом начале 1930 года и предъявили совершенно фантастические обвинения: он «является членом подпольного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», организованного, конечно же, для ликвидации советской власти, после чего Тарле якобы должен был стать министром иностранных дел в новом правительстве...

По разным причинам дело решили не раздувать, ограничившись высылкой знаменитого историка. В августе 1931 года Евгений Викторович приехал в Алма-Ату и начал читать лекции в пединституте..

О подробностях его пребывания в казахстанской столице практически ничего не известно. Дневники и воспоминания в сталинскую эпоху по понятным причинам писать было не принято, а официальная историография в дальнейшем обходила этот, мягко выражаясь, иррациональный отрезок его жизни полным молчанием. В 1932 году Тарле разрешили вернуться в Ленинград, и в дальнейшем жизнь знаменитого ученого протекала более или менее спокойно, чего нельзя сказать о некоторых других кратковременных обитателях далекой столицы, очутившихся здесь нежданно-негаданно...

Деятели иного рода, направлявшиеся главным образом из Москвы в казахстанскую столицу для «укрепления» местных кадров, стали появляться здесь со второй половины тридцатых годов. Как правило, такие перемещения означали почетную ссылку и начало конца карьеры: никто из этих людей – редким исключением был Л. И. Брежнев – не поднимался после пребывания здесь по служебной лестнице. Сказанное относится к фигурам наиболее высокого ранга, для менее важных